

Социальная структура винокуренной промышленности Пензенской губ.¹²

Годы	Доля сословий в процентном соотношении		
	дворянства	купечества (в том числе почетных граждан)	крестьянства
1861	91,4	8,6	—
1870	71,6	26,4	—
1882	44,8	55,2	—
1890	44,4	55,6	—
1900	63	20	2
1913	67,2	18,9	5

Винокуренное предпринимательство являлось весьма привлекательной сферой приложения коммерческой инициативы. Об этом свидетельствует структура занятости пензенского купечества в 1868–1869 гг.¹³ В частности, содержанием промышленных предприятий занималось 43 чел., из них большинство — 12 (27,9 % от общего числа) — связали свою деятельность именно с винокурением.

Хотя в целом правительственная политика в отношении винокурения носила продворянский характер, купечество также имело немалые возможности для извлечения прибыли из данной отрасли благодаря природно-климатическим условиям, умеренному налогообложению и устойчивому рынку сбыта.

Примечания

¹ Волков М. Я. Очерки истории промыслов России: Вторая половина XVII — первая половина XVIII в.: Винокур. пр-во. М., 1979. С. 84, 266.

² Подробнее см.: Гавлин М. Л. Вопрос о винных откупах в истории законодательства Российской империи: XVIII–XIX вв. // Экономическая история: Обзорение. М., 2007. Вып. 13. С. 127–139.

³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 17. № 12448.

⁴ Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни... СПб., 2004. Т. 1. С. 395.

⁵ Похлебкин В. В. История водки. М., 2007. С. 205–206.

⁶ Записки Ивана Ивановича Мешкова (1767–1832) // РА. 1905. № 6. С. 209.

⁷ Там же. С. 225–226.

⁸ ГАПензО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359; Левин В. И. Очерк истории пензенского еврейства // Краеведение. 1998. № 3/4. С. 38–39.

⁹ Тюстин А. В. Пензенское купечество как социальный слой: Вопросы истории формирования // Земство: Архив провинц. истории России. 1994. № 3. С. 61.

¹⁰ Тюстин А. В. Во благо Отечества: Из истории предпринимательства Пенз. губ. М., 2004. С. 376.

¹¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 36. № 37197.

¹² Подсчитано по: ГАПензО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3887, 3985, 4858, 5707, 7326; Ф. 9. Оп. 1. Д. 497; Ф. 158. Оп. 3. Д. 5454.

¹³ Составлено по: Памятная книжка Пензенской губернии за 1868 и 1869 годы... Пенза, 1869. С. 80–111.

О. Е. Думенко

**ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ ОСИРОТЕВШИХ ГОРОЖАН
(по материалам Тверского сиротского суда
последней четверти XVIII — начала XIX в.)***

Торговая деятельность является неотъемлемой частью предпринимательства. В условиях интенсивного развития рыночных отношений в современной России изучение истории торговли является особенно важным и актуальным. Интерес к этой проблеме обусловлен также характерной для современной исторической науки ориентацией на социальную историю и историю повседневности¹, в рамках которых вырабатываются новые подходы и взгляды на различные социальные феномены, в том числе предпринимательство.

Понятие торговли в отечественной историографии XX в. традиционно тесно связывалось с городским пространством. Так, Я. Е. Водарский выделял два главных критерия города: торгово-промышленные занятия жителей и наличие посадской общины². Таким образом, изучение истории торговли невозможно без обращения к документам, сформированным в городской среде.

В историческом знании наиболее интенсивно разрабатывается тематика предпринимательской деятельности в России второй половины XIX — начала XX вв. Становление российского предпринимательства, его ранние этапы зачастую остаются вне комплексного изучения³. Однако в годы царствования Екатерины II произошли значительные трансформации в городском пространстве и торговой деятельности. Реформа местного управления 1775–1785 гг. вызвала изменения не только системы городского устройства, но и социально-экономического положения города⁴.

Важной научной проблемой, относящейся к городской истории XVIII — начала XIX вв. является вопрос о преемственности купеческих капиталов. В историографии господствует мнение о непрочности, нестабильности положения как богатых, так и рядовых купцов⁵.

В данной статье мы попытаемся установить, существовал ли механизм преемственности торговой деятельности в тверских семьях последней четверти XVIII — начала XIX вв., чье существование было отягощено дополнительными обстоятельствами — потерей кормильца. Источниковую базу работы составляют делопроизводственные документы Тверского сиротского суда последней четверти XVIII — начала XIX вв.

Сиротские суды открывались в каждом городе в соответствии с «Учреждением о губерниях» 1775 г. На это учреждение государство возлагало опеку и попечение о сиротах и вдовах. Опека и попечительство — санкционированный законом надзор за каким-либо лицом и его имуществом, поводом для этого может служить правовая или хозяйственная недееспособность⁶.

По инициативе председателя сиротского суда, родственников, свойственников, посторонних и приходского священника сиротский суд мог вступить в дело об опеке. Заседатели сиротского суда должны были выбирать достойных опекунов к осиротевшим детям, попечителей к вдовам, отслеживать финансовую деятельность опекунов по поводу имущества подопечных⁷. Сиротские суды по законодательству должны были работать при каждом городском магистрате. Председателем сиротского суда определялся городской голова, кроме того, в учреждении заседали два члена городского магистрата (ратманы) и городской староста⁸.

При ведении дел Тверской сиротский суд опирался на Генеральный регламент 1720 г. В его делопроизводстве можно выделить два уровня документов: общие и специальные⁹. К общим относятся журналы заседаний, докладные и настольные реестры, протоколы (если велись), книги записей поступивших указов, предложений и сообщений. Специальными являются дела об опеке, приходно-расходные книги опекунов, дела о разделе имущества, приходно-расходные книги сиротского суда и т. д. Рассмотрим вторую категорию документов, так как они содержат более конкретные данные о состоянии капитала сирот.

Дело о взятии в опеку заводилось после смерти родителя и заканчивалось по совершеннолетию ребенка. В целом стандартное дело о взятии в опеку можно разделить на две основные части: в первой подшиты документы о принятии в опеку сирот, вдов и их имущества, во второй — ежегодная отчетная документация опекунов о состоянии опекаемых и их имущества. Во второй части всех дел об опеке находятся ежегодные отчеты от опекунов о состоянии опекаемых и их имущества в форме рапортов. За каждым опекуном следует выписка из журнала заседаний и черновик рапорта сиротского суда, отсылаемого в губернский магистрат, о получении опекунского отчета¹⁰. Вместе с рапортом в сиротский суд должны были ежегодно сдаваться приходно-расходные книги. Местоположение этих книг в делопроизводстве было различным. Часто книги за несколько лет подряд (или за все годы) подшивались в конце дела, при этом полный комплект приходно-расходных книг за весь период опекунства встречается не всегда¹¹. Это можно рассматривать как свидетельство недобросовестности, с одной стороны, опекунов, а с другой стороны — членов сиротского суда, которые не требовали обязательного ведения и представления ежегодных приходно-расходных книг на рассмотрение сиротского суда.

Вне зависимости от полноты состава необходимых документов большинство дел об опеке все же содержат сведения об основных источниках доходов опекаемых. Чаще всего основным доходом семьи, потерявшей кормильца, обозначены проценты с денег, отдаваемых в долг¹². К примеру, капитал умершего купца Михаила Попова опекуны отдавали в рост под 6 % годовых. Слепой сирота Абрам после смерти родителей посадских людей Уединовых получал доход от ежегодных вексельных сделок с момента учреждения опеки в 1791 г. до своего совершеннолетия в 1803 г.¹³ В 1778 г. сиротский суд «взял в смотрение» имущество тверского купца Ивана Воротилницына по причине «его слабого стояния». После вступления в должность опекуны отдали полученные 725 руб. 70 коп. в рост под проценты¹⁴.

Подобная практика соответствовала потребностям горожан того времени. Кредит был важнейшим условием торговли и пронизывал все слои городских обывателей¹⁵. Поскольку в это время банки еще не появились, была необходимость пользоваться частными займами¹⁶. Е. А. Зуева, исследовав материалы сиротских судов городов Сибири, отмечает, что опекуны, заботясь о приращении

капитала, должны были предоставлять его частным лицам и государственным учреждениям под проценты. На деле же в сибирских городах капитал часто оставался в руках опекунов или родственников. Наблюдения, сделанные нами на тверском материале, свидетельствуют, что деятельность опекунов в Твери в большей степени соответствовала возложенным на них обязательствам, чем купцов-опекунов в Сибири. Важно отметить, что Тверской сиротский суд брал под свою опеку имущество совершеннолетних горожан, неспособных им самостоятельно управлять. Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что в Твери опекунов воспринималось в первую очередь как способ сохранить капитал недееспособных граждан.

Помимо вексельных сделок, существовали и другие источники дохода в семьях, потерявших кормильца. Дети купца Якова Капустина и мещанина Данилы Селезнева содержались на средства, получаемые от сдачи внаем лавки¹⁷. Осиротевшие дети купца Василия Ворошилова получали доход от содержания мельницы¹⁸. После достижения опекаемым совершеннолетнего возраста весь капитал передавался ему под расписку, как правило, для ведения торговли, т. е. продолжения той деятельности, которой занимался его отец.

На основании отчетов, ежегодно сдаваемых опекунами, в сиротском суде составлялись годовые ведомости о состоянии опекаемых для отправки во второй департамент губернского магистрата¹⁹. Их черновики иногда можно обнаружить в составе опекунских дел. Кроме того, отпуски сводных ведомостей о состоянии опекаемых сирот Твери за 1799 г., подшитые в одно дело, были случайно обнаружены в фонде Тверского городского магистрата²⁰. Нахождение этих документов в фонде магистрата можно объяснить как ошибкой фондирования, так и особенностью разграничения функций между городскими учреждениями в тот период времени. Ведомости содержат краткие сведения об имуществе, каптале и занятиях осиротевших детей.

Каждая ведомость оформлялась в виде таблицы из 10 граф. В первой записывались имена опекаемых и опекунов, а также год, в которые была установлена опека. Во второй — пол и возраст опекаемых. В третьей зафиксировано движимое и недвижимое имущество, а также векселя, расписки, закладные, принятые опекунами по описи при вступлении их в должность. В 4–7 графах содержится информация о векселях, сроках платежей по ним, процентам. В следующей графе записаны годовые расходы на опекаемых. В девятой находятся сведения о движимом и недвижимом имуществе, а также векселях и наличных деньгах, имеющиеся на конец отчетного года. В последней графе записана информация о месте проживания и занятиях опекаемых сирот. Завершающим элементом каждой ведомости являлись подписи членов сиротского суда — городского головы, старосты и хотя бы одного ратмана городского магистрата. Всего в деле 1799 г. подшито 14 ведомостей, отражающих сведения о семьях, в составе которых насчитывалось в общей сложности 27 осиротевших детей.

Проследим, каков был основной источник доходов осиротевших детей жителей Твери. Анализ ведомостей показал, что наиболее распространенным источником доходов в этих семьях были проценты от вексельных сделок. Наряду с этим, доходы получали от сдачи в наем лавок, амбаров, пристаней и даже жилого дома. Обязанностью опекунов было оформлять сделки вместо недееспособных малолетних детей. В двух семьях основным источником дохода обозначен торг. В многодетной семье Дмитрия Вагина торговлей под присмотром опекунов занимался старший 19-летний сын Иван, младшие дети Дмитрия не привлекались к какой-либо деятельности. Осиротевшие дети купца Петра Вагина содержались на средства, получаемые от торговли, которую производила их мать Авдотья Трофимова. Важно отметить, что из 27 сирот 8 в возрасте от 11 до 23 лет обучались «торговому промыслу».

Несколько семей, потерявших кормильца, содержались на средства, получаемые от производственной деятельности. Семья купца Василия Ворошилова получала прибыль от производства муки на собственной водяной мельнице. Среди опекаемых сирот женского пола наиболее распространенным занятием было рукоделие: «вязание варежек и чулок» и «портное мастерство», очевидно для продажи. Основным занятием сына умершей посадской жены Афросиньи Кулаевой Ильи 16 лет обозначено «обучение кузнечному ремеслу».

В семьях, потерявших кормильца, традиционно существовало несколько источников доходов. Только в двух случаях опекаемые сироты не имели капитала, единственным источником доходов здесь была работа. Сын Ивана Новикова Петр 17 лет «обращался в услужении у разных людей», младший сын бывшего публичного нотариуса Диомида Карманова Петр 19 лет работал пищиком в городском магистрате.

Таким образом, основная функция опекунов фактически состояла в обеспечении функционирования капитала недееспособных граждан, к которым относились в основном осиротевшие дети. Опекуны также обеспечивали обучение детей «торговому промыслу», что способствовало транслированию традиционной для семьи деятельности через поколение. При передаче наследуемого капи-

тала опекаемому по достижении им совершеннолетия оговаривалось, что деньги отдаются ему для ведения торговли.

Опекунство было направлено на сохранение капитала горожан, передачу традиций в семьях, потерявших кормильца. В таком контексте деятельность опекунов можно рассматривать как один из механизмов, с помощью которых государство пыталось создать благоприятные условия для развития торговой, предпринимательской деятельности в городской среде. Государство предписывало сохранять имущество недееспособных горожан путем учреждения опеки и создания системы социального призрения в целом. Помимо этого, практика жизни требовала, чтобы малолетних сирот обучали торговой деятельности, которая являлась традиционной для городской среды.

Е. А. Зуева приходит к выводу, что купцы-опекуны извлекали немалый доход с опекаемого ими имущества. По ее наблюдениям, они использовали этот капитал для кредитования собственных торговых операций²¹. При исследовании документов Тверского сиротского суда такой практики не выявлено, что свидетельствует о более точном выполнении тверскими опекунами задачи, возложенной на них государством.

Однако, на наш взгляд, использование капиталов сирот в личных интересах опекунов, наблюдаемое в Сибири, не противоречит основной задаче сиротских судов и института опекунства. Опекуны назначались, как правило, из родственников или свойственников, которые являлись жителями этого же города. Следовательно, подобная практика в любом случае способствовала развитию торговой жизни города в целом.

Примечания

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и администрации Тверской области, проект 08-01-57101 а/Ц

¹ *Ретина Л. П.* История исторического знания: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 07.00.02 История. 2-е изд. М., 2006. С. 250–251.

² *Водарский Я. Е.* Исследования по истории русского города: (Факты, обобщения, аспекты). М., 2006. С. 10.

³ История предпринимательства в России. М., 2000. Кн. 1. С. 5

⁴ *Клокман Ю. Р.* Социально-экономическая история русского города: Вторая половина XVIII в. М., 1967. С. 5.

⁵ *Демкин А. В.* Купечество в России в XVIII в. // Исследования по истории России XVI–XVIII вв.: Сб. ст. в честь 70-летия Я. Е. Водарского. М., 2000. С. 167.

⁶ *Зуева Е. А.* Русская купеческая семья в Сибири конца XVIII — первой половины XIX в. Новосибирск, 2007. С. 108.

⁷ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 20. № 14392.

⁸ Там же.

⁹ *Голиков А. Г., Круглова Т. А.* Источниковедение отечественной истории. М., 2000. С. 119.

¹⁰ ГАТвО. Ф. 679. Оп. 1. Д. 10, 11, 12, 13, 15.

¹¹ Там же. Д. 3, 9.

¹² Там же. Д. 1, 2, 3, 10, 12, 14.

¹³ Там же. Д. 14.

¹⁴ Там же. Д. 2.

¹⁵ *Демкин А. В.* Купечество в России... С. 169.

¹⁶ *Комлева Е. В.* Енисейское купечество (последняя четверть XVIII — первая половина XIX века). М., 2006. С. 127.

¹⁷ ГАТвО. Ф. 679. Оп. 1. Д. 9, 15.

¹⁸ Там же. Д. 11.

¹⁹ После реформы Павла I — палаты гражданского суда и расправы.

²⁰ ГАТвО. Ф. 175. О. 2. Д. 1356.

²¹ *Зуева Е. А.* Опека и попечительство у сибирского купечества в последней четверти XVIII — первой половине XIX вв. // Социально-культурное развитие Сибири. Новосибирск, 1991. С. 33.

Н. С. Лукина

ТВЕРСКОЙ КУПЕЦ АНФИМ КОНЯЕВ: К ИСТОРИИ НАКОПЛЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КАПИТАЛА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII В.)

Род Коняевых относится к числу известных фамилий Твери, активно занимавшихся торгово-предпринимательской деятельностью. Согласно материалам 80-х гг. XVIII в., в Твери проживало одиннадцать семей Коняевых, большинство из которых занимались торговлей и состояли в купечестве. Из многочисленных представителей данного рода наибольший интерес представляет семья купца третьей гильдии Степана Васильевича Коняева. Его сыновья Анфим, Матвей, Иван и Михаил, состо-